

ПСИХОГЕНЕТИКА

ХРЕСТОМАТИЯ

*Рекомендовано
Советом по психологии
Учебно-методического объединения
по классическому университетскому образованию
в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по направлению и специальностям психологии*

3-е издание, стереотипное

Москва
Издательский центр «Академия»
2008

УДК 159.9(075.8)

ББК 88я73

П863

Авторы-составители:

М. В. Алфимова, И. В. Равич-Щербо

Рецензент —

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии
факультета психологии Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова *Е. Е. Соколова*

Психогенетика : хрестоматия / [авторы-сост. М. В. Алфи-
П863 мова, И. В. Равич-Щербо]. — 3-е изд., стер. — М. : Издатель-
ский центр «Академия», 2008. — 432 с.
ISBN 978-5-7695-5578-7

Первая в России хрестоматия по психогенетике станет важным подспорьем в изучении этой сложной, интенсивно развивающейся научной дисциплины. В нее вошли классические работы российских авторов начала XX века и статьи современных ученых, отечественных и зарубежных, отражающие основные проблемы и методы психогенетических исследований. «Изыюминкой» исторической части является письмо лауреата Нобелевской премии Г. Мёллера И. В. Сталину, написанное в 1936 году, накануне волны репрессий, на долгие годы затормозившей развитие генетики в нашей стране.

Многие из статей, включенных в хрестоматию, публикуются впервые.

Для студентов высших учебных заведений. Может быть полезна психологам, генетикам и другим специалистам, интересующимся ролью наследственности в формировании индивидуальности человека.

УДК 159.9(075.8)

ББК 88я73

*Оригинал-макет данного издания является собственностью
Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым способом
без согласия правообладателя запрещается*

© Алфимова М.В., Кревер В.Г. (правопреемник Равич-Щербо И.В.), 2006

© Образовательно-издательский центр «Академия», 2006

ISBN 978-5-7695-5578-7

© Оформление. Издательский центр «Академия», 2006

Психогенетика — одна из базовых областей психологии, исследующая происхождение человеческой индивидуальности, а также роль наследственности и среды в ее формировании. В отечественной науке она имела непростую судьбу: в течение нескольких десятилетий психогенетических исследований у нас практически не проводилось, и лишь в последние годы психогенетика получила статус обязательной учебной дисциплины по специальности «Психология». Между тем психогенетика — это интенсивно развивающаяся область мировой науки. На Западе существуют два крупных международных психогенетических общества, специализированные журналы, международные программы и т. д.

В хрестоматии представлены как история психогенетики, так и ее современное состояние. Она является дополнением к учебнику по психогенетике для студентов высших учебных заведений.

Работы, представленные в хрестоматии, сгруппированы в два раздела. Статьи, помещенные в первом разделе, отражают становление, расцвет и «начало конца» советской психогенетики в первой половине XX в. Во втором разделе представлены работы современных отечественных и зарубежных ученых. Они призваны показать реальное состояние исследований по психогенетике, основные методические подходы, способы статистической обработки психогенетических данных, новые перспективные проблемы и пути их решения.

Мы выражаем глубокую благодарность авторам статей за разрешение включить их работы в эту хрестоматию. Мы также хотим поблагодарить Ю. Н. Вавилова, Е. Г. Радковскую, О. В. Маршак, профессора Н. Мартина за разрешение опубликовать письмо Г. Мёллера И. В. Сталину, работы А. Р. Лурия, статью М. С. Лебединского, статью Л. Ивза с соавторами, а также профессора А. Л. Журавлева за разрешение опубликовать серию статей зарубежных авторов, первоначально вышедшую в журнале «Иностранная психология». Мы благодарим профессора Т. Биделла и профессора К. Фишера за то, что специально для хрестоматии они обновили свою работу, опубликованную в 1997 г., включив в нее новейшие данные по биологии и психологии развития.

ИСТОРИЯ ПСИХОГЕНЕТИКИ

Николай Константинович Кольцов

УЛУЧШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПОРОДЫ

Совсем недавно — только в XX в. — сложилась новая биологическая наука, получившая название «евгеника» от греческих слов εὖ — хороший, благий и γένος — род, т.е. наука о благородстве человека. Термин «евгеника» появляется еще в конце прошлого (XIX) столетия, но лишь в настоящем он получил прочное определенное значение. Появились книги, посвященные этой науке. В Англии, Германии, Америке, а потом и в других культурных странах возникли Евгенические общества, которые насчитывают тысячи членов. При них создались научные журналы, специально посвященные разработке вопросов евгеники — и в обычную прессу проникло это слово.

Сознание необходимости заботиться об облагораживании человеческой породы отразилось даже в законодательствах некоторых стран: парламенты различных штатов Америки вотируют законы, которые проникнуты евгеническими идеями. Раздаются голоса, требующие, чтобы евгеническая идея стала революционной религиозной идеей, которая заняла бы первое место среди идей, объединяющих вокруг себя широкие массы человечества.

Можно, пожалуй, спросить себя: что же в этой идее, в этой мечте — облагородить род человеческий — такого нового, чтобы ее связывать с успехами биологической науки XX в.? Разве не той же самой идеей руководились все провозвестники реформаторских и революционных идеалов с самого начала культурной жизни человечества: ветхозаветные пророки, бичевавшие пороки своих современников и проводившие заповеди новой морали; древние греки с их культом красоты; первые христиане, провозглашавшие высокие идеалы, до сих пор еще остающиеся недостижимыми и трудно достижимыми, несмотря на две тысячи лет господства христианской религии; гении эпохи Возрождения, восстановившие античный культ красоты; деятели Великой французской революции, поставившие своею прямою задачею поднять человеческую культуру и облагородить человека на почве равенства, братства и

свободы, а равно и борцы всех новейших революций, вплоть до той, которую мы переживаем в настоящее время?

Нет, современный биолог определенно заявляет, что между всеми этими попытками облагородить человечество и теми задачами, которые ставит себе развившаяся на почве последних открытий в области естествознания новая «евгеническая религия», различие самого основного, коренного характера.

Возьмем, для примера, эпоху Великой французской революции. Ведь она также стремилась к тому, чтобы обновить, переродить человечество на почве высоких принципов. Но можем ли мы, как биологи, назвать замысленное обновление перерождением? Ведь тогда даже не зародилась еще эволюционная идея. Мир представлялся неподвижным целым, а человек — царем природы, созданным Творцом «по образу и подобию Божию». Современные люди, казалось, имеют ту же природу, как и первые люди на земле: у них те же физические силы, тот же внешний облик, та же душа, психология. Веками менялись условия, при которых жили люди, и под влиянием этих условий создавалось неравенство вместо первоначального полного равенства между людьми. Изменить эти внешние условия, восстановить прежнее равенство, прежнее братство и прежнюю свободу — вот в чем была задача великой революции, а об изменении природы человека никто и не думал, так как никто и не знал, что она может быть изменена.

Если бы идеи великого французского биолога Ламарка, вылившиеся в определенную форму в конце первого десятилетия XIX в., имели сколько-нибудь широкое распространение во Франции, то еще до завершения эпохи великих преобразований французы могли бы вложить в свои мечты о преобразовании человечества и эволюционную мысль. Но этого не случилось, так как в то время идеи Ламарка не были поняты, и потребовалось целых полвека для того, чтобы наука, а затем и все человечество приняли эволюционную теорию, связав ее по заслугам с именем Дарвина.

Теперь человечество уже освоилось окончательно с тою мыслью, что человек произошел от животноподобных предков и продолжает постепенно изменяться, прогрессируя в одних отношениях, регрессируя в других. Никто уже не сомневается более в том, что все люди рождаются на свет неодинаковыми, неравными. Одни получают от своих предков значительную физическую силу, крепкое телосложение; другие от природы физически слабы, но, может быть, одарены сильной волей или высоко развитым интеллектом. И психические, и физические свойства, полученные от родителей, могут быть очень специализованы. Один от природы имеет сильную грудь и сильные руки, но короткие ноги, неуклюжие, неспособные быстро передвигаться; другой обладает особенно тонко развитыми руками и способен к обучению искусной ручной работе; третий одарен музыкальными способностями, или

литературным талантом, или по природе научный исследователь. Исследования последних лет, связанные с именем Менделя, показали нам, что разнообразные физические свойства и способности более или менее независимо друг от друга переходят от родителей к детям, смешиваясь между собою определенным образом, который может быть выражен точными математическими формулами. Точно так же многие болезни переходят от родителей к детям по определенным менделевским законам, и разработка этих законов представляет крупнейшее приобретение науки об эволюции XX в.

Порода всякого вида животных и растений, в том числе и человека, может быть изменена сознательно, путем подбора таких производителей, которые дадут наиболее желательную комбинацию признаков у потомства. Для задачи действительно изменить, облагородить человеческий род это — единственный путь, идя по которому можно добиться результатов.

Сто лет тому назад Ламарк, имя которого было упомянуто выше, думал, что можно изменить расу еще и другим путем, а именно, изменяя среду, в которой живут люди, заставляя их упражнять одни органы и оставлять без употребления другие. Он думал, что сильно упражняемые органы, например пальцы рук или ног у человека, должны из поколения в поколение усиливаться, а неупражняемые, например пальцы ног, — постепенно терять свою подвижность, атрофироваться. Уже Дарвин сильно ограничил значение такой передачи по наследству благоприобретенных признаков, а современной наукой о наследственности их передача отрицается вовсе. Но в общественные науки это отрицательное отношение к возможности закрепления за потомством тех признаков, которые родители приобрели в течение жизни, до сих пор еще мало проникло. И до сих пор еще многие социологи наивно — с точки зрения биолога — полагают, что всякое улучшение в благосостоянии тех или иных групп населения, всякое повышение их культурного уровня должно неизбежно отразиться соответствующим улучшением в их потомстве и что именно это воздействие на среду и повышение культуры и является лучшим способом для облагораживания человеческого рода. Современная биология этот путь отвергает. <... >

Наука об улучшении пород животных называется зоотехнией; наука об улучшении человеческой породы, обычно называемая евгеникой, может быть названа также антропотехнией, так как она является не более, как отделом зоотехнии. Только вследствие различных побочных затруднений и осложнений методы евгеники несколько отличаются от методов зоотехнии, но мы можем представить себе такие условия, при которых человеческая порода могла бы быть улучшена теми же способами, которыми современный зоотехник улучшает породы домашних животных. Для

этого нам пришлось бы или перенестись воображением далеко назад, ко временам, когда могущественные властелины управляли своими подданными, как рабами, или же дать простор своей фантазии и на минуту вообразить, что осуществилась идея знаменитого английского писателя Уэльса и на поверхность Земли опустились жители планеты Марс, обладающие величайшими знаниями и недоступной для нас техникой, — марсиане. Если бы они действительно со всей своей культурой появились на Земле, то, конечно, сместили бы человека с того пьедестала «царя природы», на который человек сам себя ставит, и отнеслись бы к человеку точно так же, как современный человек относится к своим домашним животным. Марсиане прежде всего подчинили бы себе человека, сделали бы его «домашним», пользуясь тем же методом, которым шел человек, когда из дикого волка сделал себе собаку. Отличие было бы только в одном — во времени: первобытный человек приручал собаку, идя ошупью, бессознательно оставляя у своего дома тех волков, которые по наследственным свойствам оказывались наименее дикими, и только от них сохраняя потомство. Марсианин, вооруженный знанием законов наследственности и желая быстро провести подчинение человечества, сразу истребил бы всех непокорных, не желающих подчиниться тяжелым условиям рабства, и не только их самих, но и всех их детей. Конечно, осталось бы достаточное количество людей, готовых подчиниться всякому режиму, лишь бы только сохранить свою драгоценную жизнь, так как в человечестве всегда были, и теперь имеются, и еще надолго сохранятся прирожденные рабы.

Систематически истребляя всех особей с врожденным фактором независимости, марсиане взяли бы в свои руки размножение людей, отобрали бы пригодных, с их точки зрения, производителей-мужчин и распределили бы между ними всех пригодных женщин, конечно, широко используя многоженство, так как и человек своих домашних животных держит в многоженстве. Вероятно, марсиане захотели бы прежде всего развести сильных физических работников и быстро справились бы с этой задачей, подбирая особенно крупных, крепкого телосложения производителей, вместе с тем покорного характера. Понадобились бы искусные ловкие техники; вместо того чтобы тратить время на обучение всех и каждого, марсиане выделили бы группу производителей, отличающихся наследственной гибкостью и ловкостью членов, и, не допуская их скрещивания с группой грубых физических работников, вывели бы особую группу наследственно приспособленных ремесленников. Если бы марсиане интересовались музыкальными и художественными способностями своих домашних людей, то, зная наследственные, или, как мы говорим, генетические, формулы музыкальной или художественной

одаренности, они быстро создали бы путем подбора производителей породу людей, одаренных музыкальностью, и другие породы — художников, скульпторов и т. д. Породу ученых-исследователей с большим мозгом марсиане, вероятно, создавать не стали бы, так как они полагались бы более на свой собственный мозг и не захотели бы создавать себе конкурентов. Нашлись бы, конечно, среди марсиан и любители декоративных пород, и путем того же метода подбора производителей они создали бы особые расы: особенно красивых — по их вкусу — людей или особенно безобразных, гигантов и карликов и т. д. Ученые-марсиане для изучения законов наследственности вывели бы породы всяких редкостей: чистых рыжеволосых, альбиносов, шестипалых или пораженных наследственными болезнями — гемофиликов, эпилептиков и т. д. Были бы получены такие уродливые комбинации, которые в настоящее время рисуются только людям с пылким воображением. В течение какого-нибудь века вместо единого человечества было бы создано бесконечное число отдельных рас одомашненного человека, столь же резко отличающихся друг от друга, как мопс или болонка отличаются от дога или сенбернарской собаки.

И марсиане так же строго относились бы к чистоте своих пород, как современный птицевод-любитель.

Пусть нас не смущает слишком далекий взлет нашей фантазии. Повторяю, для нашей утопии, вместо того чтобы выдумывать несуществующих марсиан, было бы достаточно предположить, что законы Менделя были бы открыты всего веком ранее: русские помещики и американские рабовладельцы, имевшие власть над браками своих крепостных и рабов, могли бы достигнуть, применяя учение о наследственности, очень крупных результатов по выведению специальных, желательных пород людей ко времени освобождения крестьян и негров.

Я развернул эту фантастическую картину для того, чтобы показать, что, по убеждению современного биолога, разведение новой породы или пород человека подчиняется тем же законам наследственности, как и у других животных, и что единственным методом этого разведения может служить лишь подбор производителей, а отнюдь не воспитание людей в тех или иных условиях или те или иные социальные реформы или перевороты. А с другой стороны, эта картина показывает нам и главные затруднения для проблемы улучшения человеческой расы. Современный человек не откажется от самой драгоценной свободы — права выбирать супруга по своему собственному выбору, и даже там, где существовала крепостная зависимость человека от человека, эта свобода была возвращена рабам ранее отмены всех других нарушений личной свободы. Из этого основного различия развития человеческой расы от разведения домашних животных и вытека-

ют все остальные отличия евгеники от зоотехники. На них-то мы и должны остановиться подробно.

* * *

Во-первых, своеобразной стороною евгеники является чрезвычайная трудность для исследования наследственных особенностей человека и научного выяснения способа наследования каждой отдельной особенности. Для того чтобы выяснить, как передается по наследству яйценоскость курицы, и выделить два наследственных фактора, от которых она зависит у одной породы, Пирлю потребовалось на опытной станции развести по определенному плану несколько тысяч кур. Положим, мы захотели бы установить законы наследования музыкальных способностей у человека. Они зависят, конечно, не от одного, а от многих факторов. Но чтобы выделить их, мы должны были бы изучить, как передаются по наследству различные элементы музыкальной способности: слух, музыкальная память, способность передавать звуки, музыкальное воображение и творчество в сотнях и тысячах музыкальных и немусикальных семей. Но мы не можем ставить опыты, мы не можем заставить Нежданову выйти замуж за Шаляпина только для того, чтобы посмотреть, каковы у них будут дети, мы не можем ставить по определенному плану опыты, а должны ограничиваться простым наблюдением над семьями музыкантов, слагающимися без всякого плана и по большей части мало интересными с научной стороны, мало определенными и мало выясняющими.

Изучение семейств музыкантов ясно подчеркивает еще один недостаток метода наблюдения по сравнению с методом экспериментальным. У музыкальных родителей очень часто дети бывают музыкальны, и большое внимание обращает на себя известная родословная Себастьяна Баха, где в ряде поколений имеются более или менее крупные музыканты. Но насколько это наблюдение доказывает, что музыкальные способности передаются по наследству? Ведь в музыкальной семье дети с раннего возраста слышат музыку и обычно рано начинают обучаться пению или игре на том или ином инструменте просто по семейной традиции. Значит ли это, что они прирожденные музыканты? Каково было бы их отношение к музыке, если бы они воспитывались в иных условиях и не слушали бы музыки? И каким образом можем мы судить о врожденных музыкальных способностях какого-нибудь пастуха, который никогда не слышал настоящей музыки и лишь от нечего делать, смастерив себе дудочку, наигрывает самодельные несложные мелодии? Как мы можем сравнивать его с профессором консерватории, который получил высшее музыкальное образование? А ведь, может быть, у того или иного пастуха врожденные музы-

кальные способности выше, чем у иного композитора, окончившего консерваторию, только они не имели возможности проявляться. Мы проводим резкое различие между врожденной способностью кур класть много яиц и подсчетом числа яиц, которые кладет курица в тех или иных условиях. Морите курицу лучшей яйценосной породы голодом, и она отложит меньше яиц, чем беспородная курица, содержащаяся в хороших условиях. Биолог очень хорошо знает эту резкую разницу между действительной наследственной природой особи — ее генотипом — и внешними, зависящими от среды и условий проявлениями этой природы — фенотипом. Чтобы сгладить эту разницу, биолог ставит своих опытных животных в совершенно одинаковые внешние условия в течение всей их жизни. Он не может сделать того же по отношению к людям и провести всех пастухов через консерваторию, да притом еще с детства приучить их к музыке. Поэтому евгенетик всегда имеет дело с фенотипами, о генотипном составе которых ничего определенного обыкновенно не известно.

Вот почему при изучении наследственности человека биологи останавливались обыкновенно не на таких сложных особенностях, как музыкальные и другие способности, а на внешних, сравнительно мелких признаках, на проявление которых условия существования, среда и воспитание не оказывают влияния. Сравнительно хорошо установлена передача по наследству окраски кожи, волос и глаз, курчавость, волосатость, да и то гораздо хуже, чем у опытных животных. Но все же мы, например, с уверенностью можем сказать, что у двух голубоглазых белокурых родителей не может быть ребенка черноглазого и брюнета, между тем как, наоборот, у двух черноглазых брюнетов может, хотя и в редких случаях, родиться голубоглазый брюнет. Это столь общее теоретически обоснованное, в особенности по сравнению с другими млекопитающими, правило, что им можно руководиться даже в юридических вопросах, когда надо, например, на суде установить: является ли данное лицо действительно сыном определенных родителей? Всем известен исторический анекдот про женщину, которая объясняла рождение у нее чернокожего ребенка тем, что при беременности испугалась негра. Теперь биологи такие объяснения признают небылицами, так как наследственность окраски кожи выяснена, хотя еще только в общих чертах. Несколько отдельных наследственных факторов — не менее десятка — определяют цвет волос, несколько, нетождественных с ними, — цвет глаз, другие — цвет кожи: и по отношению к этим признакам мы уже теперь, хотя еще очень приблизительно, можем заранее предсказывать, какие признаки получатся у детей данных родителей. Исследования над человеком облегчаются здесь особенно потому, что наследование окраски волос, например, объясняется теми же факторами, как у других млекопитающих; и часто мы можем перене-

сти на человека результаты своих экспериментов с разведением кроликов, мышей и морских свинок. Поэтому евгенические институты, предназначенные для изучения наследственности человека, всегда должны быть связаны с генетическими, в которых производится изучение наследственности животных.

Но, конечно, настало время изучить наследственность и более важных особенностей человека, и притом не только расплывчатых, трудно анализируемых, как музыкальные или иные способности, а резких и легко определяемых, желательно не одним лишь описанием, но и числом. Ибо современная наука всегда стремится к тому, чтобы работать не с качествами, а с количествами. <...>

* * *

Переходим теперь ко второму отличию евгеники от других отраслей зоотехнии. Птицевод или селекционист, улучшающий породу растений, ясно знают, чего они добиваются. Но какие цели поставить для евгеники и кто эти цели наметит? Может ли наука взять на себя задачу наметить цели евгенического отбора? Сколько-нибудь глубокое проникновение в сущность проблемы покажет нам, что это вовсе не дело науки, которая не может взять на себя решение вопроса: что есть добро и что есть зло? Наука может только выяснить биологические основы морали, показать, что человеческая мораль сводится, с одной стороны, к тем или иным врожденным, связанным с наследственной организацией мозга инстинктам, а с другой — к приобретенным, не передающимся по наследству привычкам, которые укрепляются в каждом человеке под влиянием воспитания в определенной среде, в том или ином общественно-экономическом строе. По отношению к наследственным влечениям биолог может поставить себе задачу выделить основные генетические элементы их и определить, как они, будучи включены в наследственную генетическую формулу человека, расщепляются при скрещивании по законам Менделя. В результате получается сложная путаница моральных влечений, которые нередко приходят между собою в коллизию, разрешающуюся у каждого человека различным путем. Наука может помогать человеку разбираться в этих коллизиях, но не может оценивать самих влечений, не может, например, доказать, что надо любить ближнего больше, чем самого себя, или как самого себя, или, наоборот, надо любить себя больше, чем ближнего. Если биолог отстаивает тот или иной нравственный идеал, то он делает это не как ученый на почве разумной логики, а как человек с теми или иными врожденными или приобретенными влечениями.

Какие же идеалы могут быть поставлены людьми для евгенического движения? Каков тот тип нового человека, того *Ното*

sapientior или *Homo sapientissimus*, которого человечество совместными сознательными усилиями должно создать? Рассмотрим некоторые из этих идеалов, чтобы убедиться в их величайшем разнообразии.

А. Для дальнейшей эволюции человеческого типа может быть поставлен идеал такого приспособления к социальному устройству, которое осуществлено у муравьев или термитов. При этом уже существующее разнообразие генетических типов должно упрощаться. Должны быть развиты до совершенства типы физических работников, ученых, деятелей искусства и т.д., и все они в равной степени должны обладать социальным инстинктом, заставляющим их свои способности применять для общей пользы всего социального организма. Вероятно, найдутся такие общественные группы и партии, которые именно этот идеал евгеники признают наиболее желательным. Но найдутся и другие, которые будут возражать против него и требовать, чтобы все особи в будущем человеческом типе рождались по возможности в равной степени одаренными. Таким образом, мы встречаем здесь обычную коллизию между социалистическим и индивидуалистическим идеалом. Биологическая наука ни при чем в разрешении этого спора. Для биологии осуществим как тот, так и другой идеал. В области зоотехнии обычно преследуются задачи первого рода. Совершенствуя породы рогатого скота, зоотехник обыкновенно вырабатывает специальную молочную, мясную или рабочую породу и благодаря такой специализации добивается наилучших результатов. Но, с другой стороны, вполне возможна, а часто даже и особенно целесообразна, задача вывести породу, которая была бы удовлетворительна во всех трех отношениях; не следует только рассчитывать, что такая порода в каждом из этих отношений будет столь же совершенна, как та, которая выработана с более узким специальным заданием.

Б. Очень часто идеалом для человечества выступает «наибольшее счастье наибольшего числа людей». Если такой идеал поставить в основу евгенической политики, то биолог мог бы указать верные пути к его достижению. Ощущение «счастья» зависит в высокой степени от врожденного темперамента. Многие «нормальные» люди, а в особенности психически больные маниакального типа обнаруживают очень счастливый темперамент, т.е. чувствуют себя счастливыми при самых тяжелых внешних условиях. Другие, «меланхолики» в «нормальной» или патологической степени, наоборот, никогда и ничем не бывают довольны, а потому органически несчастливы. Отсюда возможно изменение расы путем подбора людей со счастливыми темпераментами. Однако весьма сомнительно, чтобы такое изменение мы вправе были назвать действительно евгеническим улучшением. Такой темперамент имеется, по-видимому, у некоторых человеческих рас, стоящих на

низкой стадии культуры и именно благодаря темпераменту не могущих подняться до более высокой стадии потому, что они слишком довольны своей судьбой. Известный элемент недовольства настоящим и искание лучшего необходимы для прогресса расы — и недаром поэты говорят о «святом недовольстве». Поэтому, как ни просто было бы определить евгенический идеал как «счастье всех людей», вряд ли очень многие согласятся положить этот идеал в основу евгеники.

В. Можно было бы признать, что сама жизнь есть высшее благо, развитие жизнеспособности есть главная задача расовой евгеники. В природе для всех организмов царствует железный закон естественного подбора, который отмечает все малоприспособленное к жизни в борьбе за существование. В геологическом прошлом Земли не только бесчисленные особи, но целые виды и даже классы животных и растений погибли среди взаимной борьбы или не будучи в состоянии приспособиться к изменяющимся внешним условиям. Совершенно ясно, что не должны рождаться люди с наследственными пороками сердца, почек и других органов, что в идеале все люди должны стать устойчивыми по отношению к туберкулезу и т. д. Так как дальнейшая судьба нашей Земли нам неизвестна, то с этой точки зрения полная однородность генетического типа всех людей невыгодна. Правильнее сохранить разнообразие, благодаря которому при непредвиденных переменах, например при появлении новых, особенно зловредных, микробов, часть людей могла бы выжить. Вообще гибкость и приспособляемость организма во всех отношениях с этой точки зрения представляется наиболее целесообразной.

Как ни очевидна, кажется, правильность такого идеала, однако и здесь могут быть некоторые сомнения. Приспособляемость у различных животных часто ведет к упрощению, в особенности на почве паразитизма. Человек во многих отношениях уже теперь может быть назван паразитом растительного и животного мира. Значительную часть обычной для животного работы человек складывает на других животных или на машины. Многие органы, например сильные мышцы, теряют для него жизненное значение и с точки зрения идеала жизнеспособности могли бы исчезнуть. Если допустить упрощение человеческой организации в одном отношении, то где же остановиться? Состояние солитера, утратившего все свои органы, за исключением самых необходимых, и в то же время вполне жизнеспособного, вряд ли для кого может служить идеалом. Очевидно, что к идеалу жизнеспособности нужна некоторая поправка.

Г. Поправка к идеалу жизнеспособности должна быть, очевидно, следующая: человеческий род должен не только сохранить свое существование при всех условиях, но и совершенствоваться. Конечно, понятие «совершенство» определяется условно — и не

все люди сойдутся на одном определении. Я позволю себе лишь в виде примера сообщить, как мне рисуется этот идеал совершенствования человеческого типа. До сих пор эволюция выдвинула вид *Homo sapiens* на первое место среди других видов. Он уже теперь владычествует на Земле и покоряет себе природу, благодаря главным образом развитию своего мозга, своего разума. Нет никаких данных, которые препятствовали бы нам думать, что развитие мозга дошло до крайних пределов: мозг человека может усложняться и впредь. Дальнейшая эволюция мозга открывает великие перспективы. Мозг Гельмгольца, Ньютона, Ломоносова должен стать достоянием не отдельных редчайших гениев. Великие светочи искусства и изобретатели должны оставлять человечеству в наследство не только свои произведения, но и свои наследственные таланты. Люди, неспособные к восприятию современных знаний и современной культуры, должны мало-помалу уступить место представителям более совершенного по устройству мозга типа. Самое ценное в психике человека свойство — это способность открывать новое в какой бы то ни было области. Это свойство проявилось у того первобытного человека, который изобрел первое орудие — палку и камень; и мы находим эту способность не только у современного гения — художника или изобретателя, прокладывающего новые пути в науке или технике, но и у пастуха, наигрывающего собственную мелодию на самодельной дудке, и у кустика, который придумывает какое-нибудь несложное приспособление для облегчения своей работы. Будущий человек должен быть непременно снабжен от природы этой способностью, которой не хватает еще у массы людей, лишенных собственной инициативы, — инертных исполнителей. Конечно, будущий человек не должен быть развит слишком односторонне. Он должен также быть снабжен и здоровыми инстинктами, сильной волей, врожденным стремлением жить, любить и работать, должен быть физически здоров и гармонично наделен всем тем, что делает его организм жизнеспособным. Этот новый человек — сверхчеловек, *Homo creator*, — должен стать действительно царем природы и подчинить ее себе силою своего разума и своей воли. И если при этом он не всегда будет чувствовать себя счастливым, будет порою страдать от ненасытимой жажды все новых и новых достижений, все же, я полагаю, эти страдания святого недовольства — невысокая цена за ту мощь и за кипучую работу, которые выпадут на его долю. Вот тот идеал евгеники, который мне кажется наиболее привлекательным, хотя я его отнюдь никому не навязываю, полагая, что идеал современного человека может быть обрисован и иначе. Без оговорок он не может быть, конечно, принят, так как вряд ли возможно существование человечества, состоящего сплошь из Гельмгольцев и Ломоносовых. Условия социальной жизни потребуют, конечно, существования наряду с этим типом

еще и других также евгенических типов, дифференцированных в ином направлении. Не скоро еще настанет то время, когда человечество окажется в состоянии произвести окончательный выбор между разнообразными евгеническими идеалами. Ведь если мы даже допустим, что нации, так упорно враждовавшие и враждующие между собою, сольются в единую человеческую семью, то среди последней еще долго будут сохраняться разногласия из-за общественных, социальных и духовных идеалов, которые еще надолго после первого объединения будут грозить распадом и возвратом к прошлому. Между тем проведение в жизнь евгенического идеала в высокой степени зависит от того, осуществляется ли он всем человечеством или отдельными враждующими между собою нациями. Не всякий идеал может быть проведен в одиночку одной нацией, а только такой, который обеспечивает ей успех борьбы за существование с другими нациями. В интересах этой борьбы нация должна отказаться от многих достоинств общечеловеческого идеала и испортить его желательными в других отношениях чертами.

Ввиду всего этого ясно, что еще длинный исторический период отделяет нас от того момента, когда начнется организованное, сколько-нибудь полное и совершенное проведение в жизнь евгенического идеала. А до тех пор отдельные люди и отдельные группы людей будут стремиться провести в жизнь в тех или иных скромных размерах свои собственные, часто не согласованные между собой идеалы. Но и такие попытки имеют, конечно, огромную ценность, накапливая научный материал и подготавливая стойкую работу далекого будущего.

* * *

Третье отличие евгеники от других областей зоотехнии относится к методам осуществления подбора.

А. Личные планы осуществляются, само собою разумеется, каждым супругом, сознательно заключающим евгенический брак, и, конечно, этот метод останется навсегда самым совершенным, хотя и доступным для небольшого наиболее сознательного меньшинства людей. Всякое принуждение к браку со стороны всегда будет возбуждать и должно возбуждать более или менее резкое противодействие со стороны человека, не терпящего насилия в этом отношении над своей личной свободой. Возможно, однако, представить себе некоторые поощрительные меры со стороны государства к заключению браков, представляющихся евгеническими. Даже в настоящее время в русской деревне возможно способствовать заключению желательных браков в форме тех или иных льгот — приданого и т.п. В целях увеличения потомства многие государства или организации поощрения браков уже вступили на этот путь, и

можно ожидать успехов в этой системе, если она будет пополнена евгеническими соображениями.

Б. Чаше, однако, вместо положительного подбора думают о подборе отрицательном, т. е. о воспреещении браков, признающихся какогеническими, угрожающими в смысле наследственности. Во многих американских штатах еще десять лет тому назад были проведены законы, воспреещающие вступление в брак лицам, пораженным некоторыми болезнями: сифилитикам, эпилептикам, алкоголикам и т. д. В 1915 г. на этот же путь вступила Швеция, и надо думать, что недалеко уже то время, когда подобные меры будут приняты во всех государствах. Надо только помнить, что некоторые из этих мер имеют лишь косвенное отношение к евгенике. Так, запрещение вступления в брак лицам, страдающим половыми болезнями, конечно, необходимо в целях борьбы с распространением этих болезней, которыми младенец так легко заражается от матери, но современная евгеника отказывается от распространенного в прежнее время взгляда, по которому сифилитическому яду приписывались отравление зародышевой плазмы и порча наследственного генотипа. То же самое надо сказать и относительно туберкулеза и алкоголизма: и здесь вступление в брак и производство потомства для пораженных субъектов должны быть ограничены законодательством из общих гигиенических соображений, но было бы самообманом выдавать такие мероприятия за евгенические и возлагать на них сколько-нибудь большие надежды в деле улучшения человеческой породы. Во всех этих случаях мы имеем дело с прямым воздействием внешних условий на организм, а мы уже видели, что, по современным взглядам, такие воздействия могут распространяться даже на несколько поколений, но генотипной наследственной природы организма не изменяют, за исключением очень редких, исключительных случаев, интересных с точки зрения науки, но не имеющих практического значения.

Запрещение вступать в брак лицам, страдающим действительно наследственными болезнями: наследственным слабоумием, известными формами психических заболеваний, эпилепсией, гемофилией и пр., — конечно, мера евгеническая, так как ведет к сокращению числа людей, несущих эти болезненные задатки. Не следует, однако, рассчитывать на то, что эта мера даст сколько-нибудь быстрые и полные результаты. Большинство наследственных пороков принадлежит к рецессивным формам, т. е. они проявляются лишь в том случае, если человек получает болезненный задаток от обоих родителей; если же он получает этот задаток только с одной стороны, то болезнь у него самого не проявляется, но он может передать свой задаток детям. В настоящее время наука не в состоянии отличить таких людей, обремененных скрытыми наследственными недостатками, от людей здоровых, а

пока этого средства у нас нет, мы и не в состоянии искоренить данную болезнь у всего человечества.

Следует принять во внимание еще одно важное обстоятельство. Случается нередко, что те или иные из перечисленных выше пороков сочетаются в одном и том же субъекте с очень ценными качествами, например эпилепсия или помешательство с высоким талантом и даже с гениальностью. Еще Ломброзо указал на частое сочетание между гениальностью и помешательством, и на основании биологических соображений можно понять, почему такое сочетание наблюдается часто. Воспрещая браки эпилептиков, мы уменьшаем распространение этой болезни в человечестве, но, с другой стороны, возможно, что таким путем человечество лишит себя нескольких талантов. Поэтому такого рода запрещения в законах должны сопровождаться известными оговорками. Было бы странно воспретить вступление в брак Достоевскому, Успенскому, Гаршину, наоборот, можно рассчитывать на их ценное потомство. И за великое благо, которое русский народ получил от этих творцов, расходы на содержание и лечение их и даже, может быть, их родственников, пораженных тем же наследственным пороком, — ничтожная плата.

Всякий евгенист скажет: как жаль, что не осталось детей после психически не вполне нормального Гоголя, после чахоточных Чехова и Белинского. Пусть бы они получили наследственную неуравновешенность и туберкулезную конституцию, но, может быть, они получили бы от отцов и частицы их талантливости. Гении и таланты ценны евгенически, несмотря ни на какие болезни.

В особенности существенны такого рода соображения при американской системе стерилизации. Некоторые из Соединенных Штатов Америки в дополнение к законам, воспрещающим какогенические браки, провели законы, разрешающие путем известных операций лишать воспроизводительной способности лиц, пораженных известными врожденными недостатками. По этим законам молодой, еще не проявивший себя эпилептик может быть даже насильственно навсегда лишен способности иметь потомство, хотя в дальнейшей жизни он проявит себя как великий мыслитель, вроде Достоевского или Магомета.

При проведении подобных законов в жизнь всякая государственная власть должна быть в высшей степени осторожной и не забывать, что истребляемый при помощи стерилизации или запрещения браков недостаток есть только отдельный признак, какогенические свойства которого в некоторых индивидуальных случаях могут с избытком покрываться наличностью других евгенических признаков. Такого рода борьба с дурной наследственностью в руках неосторожной власти может стать страшным орудием борьбы со всем уклоняющимся в сторону от посредственности и вместо евгении может привести к определенной какогении.

Одной из главных целей американской системы стерилизации всегда являлось стремление устранить размножение «преступных элементов». Но что такое преступный тип? Наполеона или Вильгельма II одни считают преступниками, другие — гениями. По библейской легенде первым злодеем-убийцей на земле был Каин, убивший брата своего Авеля; от него и должны были пойти все наследственные убийцы-преступники. Бэтсон в своей речи на австралийском съезде Британской ассоциации в 1914 г. задает вопрос: нужно ли было не допустить Каина до размножения? Он дает определенный ожидаемый ответ. С современной точки зрения Каин был «мутант», внесший в историю человечества новое деятельное начало. Не будем останавливаться на его байроновском идеализированном образе. Но и по библейскому рассказу Каин основал на земле первый город, и в его потомстве появились первые кузнецы и ремесленники. И весьма вероятно, что современные жители Австралии, Америки и Сибири своей врожденной энергией и предприимчивостью обязаны тому, что когда-то эти страны заселялись преступными элементами. Только в очень небольшом числе случаев полной дегенерации и наследственного идиотизма показание к стерилизации может быть достаточно прочно.

В. Не надо забывать, что задачей евгеники является не только предохранение человеческой расы от вырождения и поддержания известной нормы посредственности, а главным образом повышение над этим уровнем посредственности, улучшение расы. Запретительные меры в этом отношении недействительны; необходимы меры положительные, которые ведут к увеличению потомства от таких представителей человеческого рода, которые в смысле наследственности стоят выше среднего уровня. В современном государстве каждый гражданин может требовать в распределении различных благ равной доли для себя лично, но государство, задающееся евгеническими задачами, должно поставить наиболее ценных с его точки зрения производителей в такие условия, которые обеспечивали бы для них особенно многочисленное, в сравнении со средними людьми, потомство. Благодаря подъему культуры и распространению идеи равенства борьба за существование в человеческом обществе потеряла свою остроту и благотворительный естественный подбор почти прекратился. Культурное государство должно взять на себя важную роль естественного подбора и поставить сильных и особенно ценных людей в наиболее благоприятные условия. Неразумная благотворительность приходит на помощь слабым. Разумное, ставящее определенные цели евгеники, государство должно прежде всего позаботиться о сильных и об обеспечении их семьи, их потомства. Лучший и единственно достигающий цели метод расовой евгеники — это улавливание ценных по своим наследственным свойствам производи-

телей: физически сильных, одаренных выдающимися умственными или нравственными способностями людей — и постановка всех этих талантов в такие условия, при которых они не только сами могли бы проявить эти способности в полной мере, но и прокормить и воспитать многочисленную семью, и притом непременно преимущественно в сравнении с людьми, не выходящими за среднюю норму. Именно это преимущество и имеет евгеническую цену, так как равенство условий размножения и для выдающихся и для посредственных приведет только к увеличению всего народонаселения и не изменит в желательную сторону наследственных свойств человеческой расы. Та нация, которая больше других умеет ценить свои таланты и научится достаточно рано ставить их в лучшие условия существования, даст человеку наибольшее число представителей наивысшего типа *Homo creator*. С распространением наших евгенических знаний можно ожидать, что выдающиеся люди скорее других поймут громадную ценность евгенического брака, и тогда потомство их, получая наследственные свойства со стороны обоих родителей, будет особенно высоких качеств, чего, к сожалению, не всегда можно сказать о потомстве великих людей прошлого, высокие наследственные свойства которых часто усреднялись посредственной наследственностью с другой стороны.

Но из того факта, что дети великих людей лишь в редких случаях проявляют таланты своих отцов, еще нельзя заключать, что ценные свойства великих людей не наследственны, пропадают в потомстве. Они только рассеиваются, но в гетерозиготной скрытой форме удерживаются в потомстве и при удачных браках могут снова восстановиться в полном блеске через несколько поколений. Изучение родословных великих людей и талантов дало много любопытного в этом отношении, и Институт экспериментальной биологии при своем евгеническом отделе поставил одной из своих задач — собирать исторические материалы по родословным русских выдающихся людей.

Г. Распространение евгенических знаний в самых широких слоях общества является вообще необходимым условием для евгенической эволюции и одним из самых существенных ее методов. Евгеника должна занять прочное и важное место в воспитании на всех его ступенях. Все современные евгенические общества и конгрессы единодушно и совершенно правильно ставят эту задачу на одно из первых мест. Государство должно пойти навстречу этому делу и озаботиться тем, чтобы в каждой стране было достаточное количество лиц, хорошо знакомых с современными задачами евгеники. Из всех евгенических методов этот, конечно, наиболее доступный, хотя он и имеет в виду только подготовку дальнейшей работы, но ясно, что при вступлении государства на этот путь не должно быть никаких колебаний.

Мы ознакомились с главными затруднениями, встречающимися на пути применения зоотехнических методов к делу улучшения человеческой расы, и увидели, что здесь прежде всего представляет большие трудности изучение наследственности у человека, затем не ясны самые цели евгеники и, наконец, нельзя применить к размножению человека тех методов, которыми привык работать зоотехник. Но как ни велики все эти затруднения, тем не менее позволительно надеяться, что человечество мало-помалу научится с ними совладать. Будет уже ценным шагом вперед, если человечество, проникнувшись евгеническим духом, сумеет воздержаться от ряда ошибок, которые оно допускало до сих пор, часто вполне сознательно. Чтобы закончить наш очерк современного состояния евгеники, будет полезно остановиться на этих ошибках, которые особенно бросаются в глаза в период великих сотрясений человеческой истории — во время войн и революций.

Дело в том, что, пока человечество не возьмет на себя с полным сознанием и пониманием ответственного дела искусственного подбора человеческой породы, т.е. пока оно не приступит к осуществлению евгенических идеалов, подбор производителей все же будет происходить. Этот подбор будет, во всяком случае, производить сама природа, отменяя целые расы и группы людей, в том или ином отношении не приспособленных к жизни. Но наряду с этим естественным отбором и часто наперекор ему все же работает и еще долго будет работать само человечество, не понимающее того, что оно делает, и часто в своем непонимании уничтожающее благотворную работу естественного отбора. Такому бессознательному искусственному отбору, работавшему неуклонно и медленно в течение тысячелетий, человечество обязано возникновением целого ряда ценных культурных растений и домашних животных, которых человек вывел, сам не понимая ни своей задачи, ни своих методов. Но работа без понимания целей и методов лишь в отдельных случаях оказывается плодотворной, гораздо чаще она приводит к обратным результатам: не к созданию, а к разрушению. И человек, создавая без ясного понимания десятки полезных животных и растений, попутно уничтожил целые сотни других, которые, может быть, при иных условиях стали бы для него не менее ценными. И в евгеническом отношении слепая, никогда не прекращающаяся работа человека над изменением расы далеко не всегда вела к ее улучшению, а нередко ухудшала и даже губила целые расы.

Если слепой искусственный отбор производителей в человеческом обществе человеком совершается медленно, веками, то железный естественный отбор природы успевает или парализо-

вать гибельную работу человеческой культуры, или подхватить и закрепить удачную. Но иногда вмешательство человека в дело природы бывает слишком энергичным и быстрым, в результате такого вмешательства могут последовать внезапная смена рас, гибель одних и замена их другими. Таким энергичным вмешательством являются прежде всего войны и революции. Рассмотрим, какие непредвиденные порою последствия могут иметь для евгеники оба эти фактора и возможно ли сознательной работой предотвратить губительные их последствия и направить в благоприятную сторону.

Было бы односторонним считать войну исключительно каковенческим фактором только потому, что она уничтожает людей и их культурные запасы. Ведь всякая борьба в органическом мире уничтожает массы живые существа, но в этой борьбе и в сопровождающем ее естественном подборе лежит, как показал Дарвин, основа эволюции. И никакие новейшие успехи биологии, никакие поправки к классическому учению Дарвина не смогли изменить основной точки зрения на благодетельность естественного подбора. Если бы было доказано, что во всякой войне побеждает всегда более сильная, более жизнеспособная, более ценная евгенически раса, то с точки зрения евгеники можно было бы и не протестовать против войны, тем более что и самые решительные противники войны не отрицают того, что война имеет и свои положительные стороны.

Очень многие из известных нам войн являлись сильным толчком, вызывавшим подъем культурного уровня в победившей, а часто в еще большей степени в побежденной стране. Недаром многие историки считают многие войны как бы гранями между сменявшими одна другую эпохами исторического прогресса. В прежние времена, и в особенности у первобытных народов, войны нередко приводили к почти полному уничтожению побежденной расы, и во многих случаях, скажут некоторые историки, по заслугам. Теперь обстановка войн изменилась и о полном расовом истреблении побежденной страны говорить уже не приходится. Если даже побежденная страна совершенно теряет свою независимость, то населяющая ее раса — или расы — сливаются с расами-победительницами.

Подведем евгенические итоги последней мировой войны. Она унесла миллионы людей, погибших на поле сражения, и десятки миллионов граждан, погибших от болезней, недоедания, и в особенности «неродившихся младенцев». На этих последних воюющие страны могли рассчитывать по ходу прироста населения до войны, а так как вследствие нарушения брачной жизни во время войны они не появились на свет, они списываются в пассив наряду с убитыми и умершими, хотя реально не существовали даже в форме оплодотворенного яйца.

Особенно пострадали от человеческих потерь Франция и Германия, т. е. страна-победительница и страна побежденная — в равной степени. Но и потери других стран высоки, и пока еще, кажется, нельзя говорить о таком подъеме экономической жизни у стран-победительниц, при котором можно было бы утверждать, что им скоро удастся наверстать потери в человеческом материале.

Страны, которые остались вне войны или участвовали в ней так слабо, как Америка и Япония, конечно, находятся в значительно лучшем положении, и в расовой борьбе именно они являются победительницами. Это, так сказать, «премия за благоразумие» со стороны естественного подбора. Но еще не настало время подсчитывать расовые прибыли и убытки, а тем более решать вопрос в общечеловеческом масштабе: опустился ли общий уровень человечества после войны или поднялся? Ведь для эволюции человечества совсем не важно сокращение численности населения на несколько десятков миллионов. С евгенической точки зрения важно знать, были ли эти миллионы лучшими или худшими, т. е. стояли они выше или ниже среднего уровня.

Обыкновенно утверждают, что во время войны гибнут именно лучшие, наиболее здоровые, молодые мужчины, самые ценные производители. Однако в стране, где война сопровождается голодом и болезнями, гражданское население терпит не меньшие, а порою значительно бóльшие потери, чем солдаты в сражении. От одного туберкулеза за время войны в Германии погибло свыше миллиона человек, т. е. около 2 % всего населения. При нормальных условиях эти туберкулезные в значительной части выжили бы, может быть, сделались бы очень полезными гражданами, но, во всяком случае, свою туберкулезную наследственность они передали бы потомству.

Однако существенное евгеническое значение может иметь следующее обстоятельство. Немецкое население пострадало от голода неравномерно: сельское население гораздо менее, чем городское, а из городского — всего более живущая своим трудом интеллигенция. Смертность среди последней была наибольшей. При переходе рабочих из села в город совершается определенный отбор более предприимчивых, отбор же выдвигает среди последних интеллигенцию. Повышенная гибель городских жителей для представителей определенных воззрений может рассматриваться как какогеническое явление: понижение наследственного уровня населения страны. Но наши современные знания и наша статистика еще слишком недостаточны для того, чтобы решить вопрос: перевешивает ли выигрыш от устранения слабых или проигрыш от гибели сильных?

Нередко указывают на то, что гибельные последствия войны и военной голодовки отзываются на здоровье следующего, а может быть, и ряда следующих поколений. Точные статистические

данные, собранные в немецких школах за последние годы, показывают, что вес и рост детей в Германии в настоящее время много ниже, чем до войны, и немецкие врачи и биологи не сомневаются, что в ближайшее время население Германии окажется низкорослым по сравнению с недавним прошлым — это прямой результат недоедания, но немецкие биологи, приходящие к такому заключению, относятся к нему спокойно. Евгенически оно не страшно: как благоприобретенный признак, это понижение роста от недоедания хотя и отразится, может быть, даже на следующем поколении, но наследственного значения не имеет и уступит место новому повышению роста после ряда благоприятных лет.

Не менее сложно обстоит вопрос и об евгеническом значении революции. В еще большей степени, чем война, революция является толчком к развитию, гранью между культурными эпохами. Самое ценное в евгеническом смысле то, что во время революции и после нее производится переоценка ценности отдельных граждан, и люди, которые при обычных условиях не могут выкарабкаться на поверхность и проявить себя во всей силе своих наследственных талантов, в период бурного переворота имеют больше шансов выплыть на поверхность и, как выражаются генетики, «проявить фенотипно свой генотип», чтобы затем сделаться родоначальниками более многочисленных одаренных потомков. Пример Наполеона и массы выдвинувшихся с ним деятелей — правда, преимущественно, по характеру этой эпохи, военных — ясно иллюстрирует это явление.

У нас в России, где общественно-экономические условия в течение долгого периода сильно затрудняли выход ценных элементов из народных масс на широкую арену и вступление их в более соответственные евгенические браки, такое благотворное последствие должно сказаться особенно широко. Но наряду с этим величайшим благотворным последствием революции выдвигаются и отрицательные влияния революции. Подобно войне, революция несет с собою гибель молодых здоровых мужчин на поле сражения и гибель еще большего числа людей от голода и других тяжелых условий существования. Мы уже оценили двойственное значение этих явлений с точки зрения евгеники. Однако людские потери в период революции имеют иное значение, чем в период войны.

В условиях современной обстановки войны снаряды попадают без разбора во всех сражающихся с обеих сторон, так что после кровопролитного сражения общий генетический уровень всех оставшихся в живых остается приблизительно прежним. Но при междоусобной борьбе пули, несущиеся с обеих сторон, обладают силою выбора: каждая сторона с особенным ожесточением истребляет наиболее выдающихся из своих противников, между тем как

широкие массы, обычно явно не примыкающие ни к той, ни другой стороне, остаются вдали от действия убийственной борьбы и захватываются лишь сопровождающими борьбу, равно гибельными для всех условиями голода, холода и т.д. Особенно ясную картину в этом отношении дала Великая французская революция. Один за другим поднялись на гильотину целыми группами самые выдающиеся деятели, цвет французской нации. Сменявшие одна другую партии, часто отличавшиеся друг от друга лишь оттенками политической мысли, посылали на эшафот своих предшественников как контрреволюционеров для того, чтобы вскоре занять их место под топором гильотины. В пылу ожесточенной борьбы эти оттенки мысли, за которые боролись в то время, казались чрезвычайно важными. Но мы, оторванные от того периода одним с половиною веком, понимаем, что это были только оттенки чисто фенотипные, не имевшие никакого наследственного значения. С эвгенической точки зрения все эти революционеры, попадавшие через короткое время в контрреволюционеры, были более или менее однородны. В революционный период выступают на первый план люди с наследственным стремлением творить жизнь и проявлять свою индивидуальность, резко выделяясь среди массы инертных людей, остающихся в тени, вне арены борьбы. Здесь ясно обнаруживаются два основных типа людей: человек-творец, активно прокладывающий новые пути и отстаивающий свои взгляды, — это *Homo explorans* или *Homo creator* и инертный, пассивный человек — *Homo inertus*, избегающий вступать в борьбу.

Конечно, наследственный характер у типа *Homo creator* имеет только стремление к творчеству, активности, а не самое содержание творчества, не образ мыслей или оттенки политических убеждений, которые слагаются под влиянием случайной жизненной обстановки и воспитания, а по наследству не передаются.

Можно было бы указать много примеров столкновений между отцами и детьми, столкновений, в которых одни поколения, будучи в равной степени одарены активностью, под влиянием случайных условий оказывались в разных лагерях. Вот эти-то носители одного и того же гена активности и гибнут массами в междоусобной борьбе.

После революции, в особенности длительной, раса беднеет активными элементами, и это обеднение в особенности губительно для расы потому, что большинство революционных деятелей погибают в молодом возрасте, не оставляя потомства, вследствие чего и следующее поколение также оказывается состоящим в громадном проценте из «инертных» людей. Этим объясняется в значительной степени упадок нации, иногда временный, иногда окончательный, после длительной междоусобицы.

Утратившая свои активные элементы раса вырождается, теряет свою самостоятельность и сходит с арены прогрессивной эво-

люции человечества. Чем более бескровной является революция и обычно следующая за нею реакция, тем более выступают на первый план ее отмеченные выше благодетельные, в смысле евгеники, последствия. Когда человечество дорастет до широких евгенических идеалов, дорастет до сознания, что сохранение представителей активного типа имеет абсолютную генетическую ценность вне зависимости от их временного фенотипного образа мыслей, тогда революции — переустройства социального внешнего порядка — приобретут в полной мере свой благодетельный, в евгеническом смысле, характер.

Но ни война, ни революция не имеют такого пагубного значения для евгеники, как явление, в скрытом бескровном виде подтачивающее здоровье нации и человечества: это сознательное ограничение потомства, обычно распространяющееся в народе постепенно и на первых порах едва заметное. Явление это, конечно, не новое. Возможно, что оно именно более всего другого способствовало падению античной греческой и римской культуры. В нашем [XX] веке оно широко охватило Францию, но и в других странах, включая Россию, делает поразительные успехи. Имеются даже со времен Мальтуса попытки научно обставить и оправдать это явление. Во всем органическом мире рождаемость в пределах вида значительно превышает возможность сохранения жизни для всех рождающихся, и этот перевес имеет глубокое биологическое значение: им обеспечивается борьба за существование и естественный подбор наиболее приспособленных к жизни.

Без этого подбора виды, предоставленные самим себе в естественных условиях, вымирают. Человек гордо отказывается от естественного подбора, он хочет устранить совсем борьбу за существование. Он хочет устранить эту массу неизбежно гибнущих вследствие недостатка средств к существованию жизней. Но для выполнения этой гражданской задачи человек выступил недостаточно вооруженным. Когда Мальтус начал свою проповедь, он стоял еще на точке зрения равноценности человеческих жизней: важная роль борьбы за существование и подбора наиболее приспособленных ему еще не была известна, и он мог спокойно говорить о сокращении числа рождающихся, не вводя никакого корректива для обеспечения высокого уровня этих рождающихся. Но теперь последователи Мальтуса уже не имеют права закрывать глаза на это важное обстоятельство. Россия и другие славянские земли давно были известны своею плодovitостью по сравнению с другими странами. Но несмотря на высокую рождаемость, прирост населения России никогда не был особенно велик, так как масса родившихся детей гибли от жизненных условий, не доживши до половой зрелости.

С точки зрения Мальтуса, эта гибель массы жизней — страшное зло, против которого нужно бороться прежде всего сокращением

деторождения. Но совсем недавно, в начале войны, в немецком научном журнале «Archiv für Rassen und Gesellschafts Biologie» в выпуске, посвященном вопросу о рождаемости и приросте населения, ряд авторов с завистью говорили о высокой смертности русских детей, полагая, что усиленная борьба за существование поддерживает среди русского народа и высокую наследственную выносливость.

Но воздержание от деторождения евгенически губительно не только потому, что устраняет борьбу за существование. Его главный вред в том, что проповедь Мальтуса имеет успех прежде всего среди наиболее культурных слоев всякого общества и прежде всего сокращают деторождение наиболее интеллигентные слои, затем городские рабочие, а в деревню проповедь эта заходит слабо — и наименьше дифференцированные массы продолжают размножаться прежним темпом. Все наследственно наиболее одаренные из этой массы, все наиболее активные, все представители типа *Homo creator* уходят из деревни в город на фабрику или, получив образование, пробиваются в высшие интеллигентные слои и здесь научаются осуществлять практически мальтузианство и почти не оставляют потомства. Гены активности, выделяющиеся из наименее культурной среды, мало-помалу совсем исчезают в человечестве. Там, где культурная среда еще мало дифференцирована, как в России, это еще не представляет непосредственной опасности. Но во Франции, где выбраться из деревни для наследственно одаренных со времени первой революции стало гораздо более легким, этот отрицательный отбор принимает уже реальное грозное значение. Не то опасно для французов, что сокращается прирост населения и меньше рождается солдат, могущих защищать отечество: с общечеловеческой точки зрения это могло бы и не представлять важности. Опасно то, что понижается наследственный уровень рождающихся, исчезают гены активности способной к высшей культуре интеллигенции.

* * *

Подведем итоги. Евгеника по нашему определению распадается на две отрасли: чистую науку (антропогенетику) и прикладную (антропотехнию). Изучение генетики человека очень затруднительно и медленно подвигается вперед, так как вместо эксперимента для нас доступно здесь лишь наблюдение. Антропотехния сталкивается с затруднениями еще более значительными. Наука, не имеющая возможности решить вопроса о добре и зле, не вправе определить идеал той высшей человеческой расы, к установлению которой надо стремиться. Цель евгеники может установить лишь соглашение между всеми народами, по крайней мере в пределах одной нации. Но и тогда, когда это соглашение будет дос-

тигнуто, методика практического осуществления поставленной задачи окажется гораздо затруднительней, чем при экспериментах с животными и растениями.

Но все же и теперь каждая отдельная нация может осуществлять евгеническую работу. Для этого требуется ставить в наилучшие условия существования тех граждан, которыми нация особенно дорожит, всех, выделяющихся ценными наследственными задатками. Чем в более раннем возрасте нация умеет открывать эти задатки таланта среди своих членов, чем ранее сумеет она обеспечить существование для них и для их семьи, тем более можно рассчитывать на обогащение нации благородными генами.

Эта национальная задача выполнима, однако лишь при одном условии: если сознательные элементы в современном человечестве проникнутся основной идеей евгеники. Тот, кто получил от природы талант, не должен зарывать его в землю или тратить его исключительно на себя и своих современников: он должен помнить о высокой задаче передать этот талант через свое потомство будущим поколениям.

Обрисованная таким образом евгеника есть религия. Культурное человечество всегда жило религией — идеалом, может быть, далеким, неясным, и сообразно с этим идеалом строило свою жизнь, решало вопросы о добре и зле. Идеалом античных греков была красота во всех ее формах, счастье и полнота личной жизни здесь, на Земле. Идеалом сурового Рима было процветание и мощь государства, и эту национальную религию Рим передал многим современным нациям. Мы недавно видели, как люди, охваченные этой религией, шли на смерть.

Христианство поставило своим идеалом личное усовершенствование, обещая награды в туманной будущей жизни. Мусульманин распространяет Коран с мечом в руках и также твердо уверен в награде, которая ждет его в раю Магомета. Идеалы социализма тесно связаны с нашей земной жизнью: мечта об устройстве совершенного порядка в отношениях между людьми есть такая же религиозная идея, из-за которой люди идут на смерть. Евгеника поставила себе высокий идеал, который также достоин того, чтобы дать смысл жизни и подвинуть человека на жертвы и самоограничения: создать путем сознательной работы многих поколений высший тип человека, могучего царя природы и творца жизни. Евгеника — религия будущего, и она ждет своих пророков.

Кольцов Н. К. Улучшение человеческой породы: речь в годовичном заседании Русского Евгенического Общества 20 октября 1921 года // Русский евгенический журнал. — 1922. — Т. 1. — Вып. 1. — С. 3—27.